

ственные и свои дѣла отвлекаютъ меня противъ воли; вскорѣ послѣ твоего отъѣзда я сошелся, какъ то часто дѣлывалъ прежде, поощряемый Сенекой, и по моему, очень дружно — съ нищетою; но недавно слабое вѣянiе лучшей доли внезапно нарушило этотъ союзъ и ввергло меня, почти освободившагося, въ прежнія цѣпи, такъ что я, уже увѣренный, что принадлежу себѣ, сталъ почти не своимъ — и двоюсь¹⁾. Видишь, что я за человѣкъ; Богъ дастъ, и этому будетъ конецъ. Извини, что расписался, это потому, что рѣдко пишу, да и сюжетъ увлекъ. Поклонись, кому хочешь, особенно нашему Барбату, и будь здоровъ, мой учитель.

Постараемся проникнуть въ психологiю боккачьевскаго письма. Вѣсть о смерти Лоренцо пробудила въ Боккаччо чувство состраданiя, человѣческiя чувства, которыя онъ питалъ къ Аччяйоли, и онъ провѣрилъ свои отношенiя къ нему, вспомнилъ свое бѣгство изъ Неаполя и обвинилъ — не себя. Обвиненiе падаетъ на Аччяйоли, но пока не открыто, не съ откровенностью письма, которое въ 1363 году Боккаччо напишетъ Франческо Нелли. Всю тяжесть признанiя и косвенное обличенiе выдерживаетъ Заноби; Аччяйоли пусть о томъ не знаетъ — хотя, быть можетъ, Боккаччо разсчитываетъ и на противное; пусть Заноби выслушаетъ его исповѣдь, если онъ ему другъ, *какъ онъ полагаетъ*; но вѣдь онъ такъ занятъ въ королевскихъ совѣтахъ! Боккаччо привыкъ вѣрить каждому его слову — и приводитъ его неумѣренныя, баснословныя похвалы стоицизму своего патрона. Разумѣется, Заноби воспоетъ его; у Боккаччо не хватитъ пера; онъ впрочемъ не изъ тѣхъ, кто воспѣваетъ и льститъ, за то онъ умѣетъ сострадать! Пусть это знаетъ Заноби; еще лучше — если *познаетъ себя*.

VII.

Несомнѣнно, по возвращенiи изъ Неаполя Боккаччо пере-

1) Fere alienus in pendulo dubitarem.

живаль тягостные дни. Мы встрѣчаемъ его по прежнему въ знакомомъ кружкѣ флорентійскихъ гуманистовъ, Лапо ди Кастильонкіо, Форезе, Нелли ¹⁾; флорентійскіе порядки ему опостылѣли; онъ ищетъ покоя для своихъ занятій, обеспеченнаго otium, и отвергаетъ предложеніе тирановъ Падуи, Вероны, Форлі, Равенны; у Аччяйоли онъ надѣялся найти то, чего искалъ, свободы—и разочарованъ; въ ту самую пору, когда онъ пишетъ Заноби, матеріальныя условія заставили его принять какое-то обязывавшее его положеніе, и онъ не дожидается, какъ ему съ нимъ развязаться. При этихъ-то обстоятельствахъ, на пути въ Равенну, куда онъ ѣхалъ съ неизвѣстными намъ, дипломатическими или другими цѣлями, онъ узналъ въ Форлі о томъ, что Петрарка поступилъ на службу къ Висконти. И прежде Петрарка водилъ дружбу съ тиранами, не забывая панегерика уединенію; но на этотъ разъ тиранъ былъ Висконти и живо было въ памяти впечатлѣніе недавно испытанной зависимости отъ могущественнаго друга. Боккаччьо ея не перенесъ; какъ-же перенесъ его любитель уединенія и свободы, Сильванъ, когда-то упрекавшій Сенеку за его служеніе и похвалу Нерону ²⁾; его учитель, его идеалъ? Вотъ что подсказало въ письмѣ Боккаччьо проникающій его страстно-личный элементъ.

Что отвѣчалъ Петрарка на эти письма — мы не знаемъ, но мы знаемъ, что онъ отвѣчалъ другимъ лицамъ, ибо его образъ дѣйствія вызвалъ и недоумѣнія и запросы; друзья что-то подозреваютъ, трунятъ ³⁾, онъ и самъ проситъ совѣтовъ. Ты держись мнѣнія Сократа, что хорошо имѣть цензоровъ ⁴⁾, писалъ ему осторожный Нелли; если они говорятъ правду, можно исправиться, если нѣтъ, то вреда мало. Если ты спросишь, ка-

1) Письмо Нелли отъ 2 октября 1353 года у Hortis, Studi, стр. 22 прим. 6, № XI; Cochin, стр. 194 слѣд.

2) Fam. XXIV, 5, 1348 г.

3) Nescio quid suspitionis incidit in fideles tuorum animos amicorum, qui ad te scribunt satirica satis. Изъ слѣдующаго письма Нелли.

4) l. c. Detractores plurimum, nodum reprehensores fore utiles.

кого я мнѣнія, то я и съ ними и — не съ ними. Довѣрся своей судьбѣ; ничто не требуетъ такого труда и охраны, какъ великая репутація¹⁾. Человѣку, котораго философія сдѣлала свободнымъ, не слѣдуетъ дѣлаться рабомъ чужихъ мнѣній¹⁾: поступай, какъ тебѣ заблагоразсудится, не насилуй себя²⁾.

Нелли видимо избѣгалъ объясненія, и въ письмѣ къ нему отъ 22-го августа 1353 года самъ Петрарка объясняетъ, почему онъ живетъ въ Миланѣ: лишь только я явился туда, возвращаясь изъ Франціи, какъ величайшій изъ великихъ людей Италіи простеръ на меня свою руку и принудилъ остаться, съ такою любезностью и почестями, какихъ я не заслуживалъ, да и не желалъ. Я готовъ былъ извиниться моей любовью съ уединенной, покойной жизни, но онъ предупредилъ меня, что все такъ и будетъ и въ образѣ моей жизни ничто не измѣнится. До сихъ поръ онъ сдержалъ свое слово; долго-ли это продлится — не знаю, но сомнѣваюсь³⁾.

Черезъ шесть дней Петрарка снова писалъ Нелли, на этотъ разъ въ отвѣтъ на его письмо: тотъ безпокоился о немъ, вызывалъ изъ Милана; я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что ты довѣрилъ мнѣ въ тайнѣ, отвѣчаетъ онъ, но предоставимъ судьбѣ распорядиться обстоятельствами и умѣрять мнѣніе, которое о мнѣ сложилось. Съ меня довольно, если я могу объяснить, почему я поступилъ такъ или иначе, а о томъ, что обо мнѣ говорятъ, не безпокойся, такова издавна моя доля, чтобы обо мнѣ все судили и рядили. Люди видятъ мои дѣла, не помышленія, лучшая моя часть отъ нихъ скрыта, а если и судятъ по дѣйствіямъ, то все-же я избралъ лучшее или что показалось мнѣ таковымъ; худо-ли, хорошо-ли, я повиновался закону необходимости, о которой еще Гораций сказалъ, что ей подчиняются великіе люди и монархи.

1) *l. c. Magnus enim labor est magnae custodiae famaе.* Нелли вспомнилъ стихъ Петрарки изъ *Ep. metr. II, 15, v. 283 = Africa VII, v. 292.*

2) *Popularis linguae imperio territus.*

3) *Age quod lubet, et libere.* Сл. *Hortis, Scritti inediti del Petrarca*, стр. 71; *Cochin, № X.*

4) *Fam. XVI, 11.*

Что было мнѣ дѣлать, чѣмъ отговориться, какъ отказать — такому человѣку? Развѣ не знаешь ты, что въ такихъ случаяхъ самая медлительность въ повиновеніи — уже преступленіе? Присоедини къ этому уваженіе къ епископскому сану (Джованни Висконти)—и ты поймешь, что порядочный человѣкъ постыдился бы не принять предложеніе. Сознавая, что я буду ему бесполезенъ, я откровенно спросилъ его, чего онъ отъ меня ожидаетъ; ничего, отвѣчалъ онъ, одно твое присутствіе почтить меня и мое государство. При такомъ *человѣчному* отношеніи противиться было невозможно: я покраснѣлъ, умолкъ и молчаніемъ выразилъ согласіе, либо заставилъ повѣрить въ него; отвѣчать было нечего, да и отвѣта я не находилъ. Вотъ что я желалъ, чтобъ узнала толпа; впрочемъ, что я говорю? Вѣдь я уже сказалъ: пусть думаютъ, что угодно, предоставивъ намъ поступать, какъ должно ¹⁾.

Заноби да Страда также писалъ Петраркѣ по тому-же вопросу, какъ видно изъ предисловія къ Инвективамъ на медика, относящагося къ 1355-му году ²⁾, и посланія къ Лелію ³⁾. Не къ Заноби-ли обращено анонимное письмо, сохранившееся въ отрывкѣ, очевидно, 1353-го года? ⁴⁾. Петрарка говоритъ, что вырвавшись изъ сѣтей Вавилона (Авиньона), онъ намѣревался пожить съ друзьями на лонѣ родины, когда судьба распорядилась съ нимъ иначе: въ чемъ онъ отказывалъ папамъ и королямъ Сициліи и Франціи, въ томъ не могъ отказать величайшему изъ синьоровъ Италіи и склонилъ подъ иго непривычную къ нему выню: такъ подѣйствовала на него надежда свободной, покойной жизни; его можно заманить лишь этимъ, не богатствомъ, почестями либо удовольствіями. Поклонъ и заявленіе преданности «достойному мужу» въ концѣ письма обращены, быть можетъ, къ Аччъяйоли, если адресать — Заноби.

1) Fam. XVI, 12.

2) Fracassetti, Lettere di Fr. Petrarca, v. I, стр. 234—5.

3) Fam. XX, 14, 1359 года.

4) Var. 7.

Всего подробнѣе высказался Петрарка въ письмѣ къ Джованни Агинольфи изъ Ареццо, канцлеру мантуанскаго тирана Гвидо Гонзага¹⁾. Тотъ побуждалъ его вырваться изъ миланской неволи, чтобы снова отдаться прерванному труду (Африкѣ?). Что отвѣчать тебѣ на это? спрашиваетъ Петрарка; могу-ли отрицать что-либо изъ того, о чемъ ты мнѣ пишешь? Я могъ-бы сдѣлать это словами, сердцемъ — никогда. Почему не покаяться мнѣ въ томъ, отъ чего не смѣю отречься передъ самимъ собою? Твое письмо было для меня вервиемъ истины, я чувствую петлю, и не умѣю освободиться, хотя сознаю, что причина зла—во мнѣ самомъ. Я могъ бы сказать, что не я одинъ виновенъ въ подобномъ, а виновны всѣ люди; но ты отвѣтишь мнѣ, что это не извиненіе; итакъ, ограничиваясь собою, скажу, что защищаться я не буду, ибо вышелъ бы побѣжденнымъ, тѣмъ болѣе, что не ты одинъ нападалъ на меня: одинъ пріятель по ту сторону Альповъ спрашиваетъ, какимъ образомъ я, извѣстный поклонникъ сельской тишины, отдался городскимъ дрязгамъ— по своей волѣ, какъ онъ полагаетъ. Что-бы сказали вы, еслибъ провѣдали, что въ такое время года и непогоду я собираюсь перебраться черезъ Альпы, исполняя любезную просьбу одного высокопоставленнаго лица, для меня равняющуюся—приказанію? Такъ то люди не ставятъ себя ни во что, продавая свою свободу за ничтожную цѣну. Съ тѣмъ другомъ я надѣюсь объясниться лично, тебѣ пишу среди сомнѣній и страха, не изъ желанія оправдаться, чего я не заслуживаю, а чтобы по возможности умалить мою вину примѣромъ не лѣнливой, темной толпы, а славныхъ, именитыхъ товарищей. Знаешь-ли, что говорить о себѣ ап. Павелъ: я творю зло, не желая его, и если творю не желаемое мною, то творю не я, а гнѣздящійся во мнѣ грѣхъ. Помнишь-ли бл. Августина въ день его обращенія, когда онъ страстно желалъ вступить на лучшій путь, и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался? Въ стѣнахъ этого самого города онъ вышелъ побѣдоносно изъ той-же самой борьбы, которую переживаю и я.—

1) Отъ 1 января 1354 года, Фам. XVII, 10.

Эта параллель увлекает Петрарку, онъ пространно цитуетъ бл. Августина, перенося на себя его расторженность. Духъ повелѣваетъ духу, самъ себѣ, пишетъ бл. Августинъ, потому что такова его воля, — и его воля не исполняется; это потому, что духъ не желаетъ въ полнотѣ, оттого и его приказанія нерѣшительны; онъ то поднимается къ истинѣ, то поддается дурной привычкѣ; это болѣзнь духа, собственно двѣ воли, изъ которыхъ ни одна не совершенна. — Всѣ мы стремимся къ счастью, продолжаетъ Петрарка, переходя къ самому себѣ, но не всѣ дѣлаемъ то, что ведетъ къ счастью; есть и такіе, которые не столько желаютъ его, сколько воображаютъ, что желаютъ; отсюда то удрученное состояніе духа, о которомъ была рѣчь, оно то и побуждаетъ насъ часто творить противное тому, чего, казалось бы, они желаютъ; еслибы они въ самомъ дѣлѣ желали, то бы и творили, а не другое. Надо желать по истинѣ, въ постоянствѣ, полнотѣ и искренности; можетъ быть, это не совсѣмъ въ нашей волѣ, ибо она такъ связана грѣхомъ, что путь къ добру не мыслимъ для нея безъ помощи Божіей. Что особенно удручаетъ меня, это сомнѣніе, что во мнѣ нѣтъ полноты желанія того, чего кажется, я желаю и желаю — въ полнотѣ. Виѣсть съ тѣмъ сознаюсь, что мнѣ по дѣломъ, если горькой кажется мнѣ услада, которую я не достоинъ отвѣдать. Врагъ моего покоя — моя преждевременная слава, заслуженная или нѣтъ: ложное величіе имени мѣшаетъ настоящей славѣ, оно — источникъ всѣхъ моихъ бѣдъ и горестей. Что дѣлать? Озера, о которыхъ идетъ молва, что въ нихъ много рыбы, лѣса, славящіеся дичью, всегда привлекаютъ рыбаковъ и охотниковъ. Счастливы тотъ, если только есть такіе люди, кому удалось уединиться въ занятія вдали отъ шумной толпы; моя-ли въ томъ вина, или такова моя судьба, но мнѣ это никогда не удавалось, всюду открывала меня болтливая, лживая молва, такъ что я, съ юности любившій уединеніе лѣсовъ, въ старости связанъ этимъ ненавистнымъ мнѣ пребываніемъ. Одно скажу въ свою защиту: хотя я всегда отремился къ заслуженной похвалѣ, никогда не желалъ той роскоши и величія, которыя нынѣ меня

удручаютъ; погруженный въ тысячи заботъ, я и въ цѣпяхъ люблю свободу, мечтаю объ уединеніи, но приучилъ себя не помышлять о томъ, чего не въ состояніи достигнуть, а довольствоваться тѣмъ, чего избѣгнуть не могу.

Нигдѣ Петрарка не былъ такъ откровененъ по поводу своего Миланскаго эпизода, какъ въ письмѣ къ Агинольфи; даже въ видимыхъ софизмахъ письма сквозитъ откровенность. То, что тревожило за него его друзей, тревожило, очевидно, и его самого, хотя порой онъ видимо спокойно и аристократически небрежно отстранялъ назойливые вопросы и непрошенное участіе. Поклонись Гано, говорилъ онъ жонглѣру Малиція, котораго Гано прислалъ къ нему съ увѣщательнымъ сонетомъ: еслибъ ему извѣстно было дѣйствительное положеніе дѣлъ, онъ понялъ бы самъ, что на его стихи отвѣчать нечего. Многіе писали мнѣ о томъ-же, что и онъ, но всѣ, освѣдомившись, измѣнили свое мнѣніе (?). Вѣдь страхъ и подозрѣніе, безъ которыхъ не обходятся любящіе (пріятели), растутъ въ отдаленіи, издали боишься многого, что вблизи возбуждаетъ смѣхъ. Пусть-же не страшится за друга, который и въ Италиі, и въ какомъ-нибудь уголкѣ Индіи, а если-бы случилось, даже въ Тапробанѣ сьумѣлъ-бы найти отечество. Все это расскажи ему съ свойственнымъ тебѣ бурнымъ краснорѣчіемъ, только не съ такимъ крикомъ и гамомъ, да, пожалуйста, по итальянски, не твоимъ варварскимъ языкомъ ¹⁾.

Въ письмѣ къ Агинольфи это показное спокойствіе исчезло,— и Петрарка кается: да, онъ виноватъ, его вина—въ слабости воли, въ двухъ воляхъ, которыя борются въ немъ, какъ въ бл. Августинѣ. Этотъ примѣръ поддерживаетъ его, прирожденная грѣховность объясняетъ вину; помощь Божія не явилась, и борьбу рѣшило тщеславіе, просьба великаго человѣка, преждевременная слава, которая заставляетъ всѣхъ искать его, носить на рукахъ, а онъ

1) Сл. выше, стр. 160; Fracassetti, *Lettere*, v. III, стр. 478; Frati, *Gano di Laro di Colle e le sue rime* въ *Propugnatore*, N. S., v. VI, fasc. 34—5, стр. 195 слѣд.

отказать не можетъ. У него одно желаніе: уединенія, покоя; этимъ его заманить всякій, не богатствами и почестями, писалъ онъ анониму (Заноби?), пускаясь въ софизмъ или только обманывая себя, потому что уединеніе и покой, къ которымъ онъ стремился, неотдѣлимы отъ идеи, если не богатства, то обеспеченности и служебнаго положенія. Правда, и среди тысячи дѣлъ онъ желѣетъ свободу; такъ писалъ онъ въ отвѣтъ какому-то кардиналу, обвинявшему его въ погонѣ за мѣстами, въ проживаніи у тирановъ: Петрарка заявлялъ о своей духовной свободѣ, лишь слабыя души теряются въ его положеніи, Платонъ жилъ у Діонисія, Сенека съ Нерономъ, Сократъ съ тридцатью тиранами ¹⁾.

Кто свободенъ духомъ, тотъ теряетъ званіе служителя, говорилъ когда-то Ганимедъ (Джьованни Колонна) свободолюбивому Амиклу-Петраркѣ ²⁾; невыясненнымъ остаются отношенія этого свободолюбія къ панегерикамъ, которыми Петрарка осыпалъ Джьованни Висконти, напр. въ своей рѣчи передъ венеціанскимъ сенатомъ въ 1353-мъ году. Они ставили его въ ложное положеніе. Когда, завладѣвъ Генуей, Джьованни искалъ мира съ Венеціей, венеціанцы, отклонивъ предложеніе, образовали лигу и обратились за помощью къ императору, котораго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ самъ Петрарка звалъ въ Италію—противъ Висконти. Теперь ему приходилось перемѣнить фронтъ, и въ посланіи къ дожу Андрею Дандоло, написанномъ по указанію архіепископа, онъ пугаетъ перваго могуществомъ послѣдняго, говоритъ о немъ, какъ о славномъ поспѣшникѣ мира, о которомъ трудно сказать, что въ немъ преобладаетъ: доблесть-ли надъ удачей, умъ-ли надъ человѣчностью ³⁾. Въ отвѣтъ дожа, составленномъ канцлеромъ Бенинтенди ⁴⁾, Петраркѣ прои-

1) Сл. Hermann Müller, Neue Jahrbücher f. Philologie u. Pädagogik, 1873, стр. 569—583.

2) Сл. VIII эялогу, выше стр.110.

3) Fam. XVIII, 16, 28 мая 1354 г.

4) Voigt, Die Briefsammlungen, стр. 28—9.

чески напоминали его прежнія убѣжденія: мы стараемся избавить Италію отъ рабства, постепенно къ ней прививающагося, и тебѣ слѣдовало бы всѣми силами содѣйствовать этой цѣли, какъ самъ ты, любитель и проповѣдникъ свободы, совѣтовалъ раньше и какъ краснорѣчиво! Ты вѣдь знаешь, и твой Цицеронъ свидѣтельствуетъ то-же, что нѣтъ ничего хуже рабства, ничего отвратительнѣе безчестія; тебѣ надлежало бы обратиться къ тому, кто является причиной всего этого зла, дабы, справедливый и правосудный, онъ самъ не поддерживалъ и не питалъ его. — Дандоло умеръ прежде, чѣмъ получился его отвѣтъ (5 сентября 1355 г.); такъ увѣряетъ Петрарка въ письмѣ къ Гвидо Сеттимо отъ апрѣля 1355 года: за нѣсколько дней до кончины онъ (т. е. Дандоло) долженъ былъ получить мое письмо, суровое, но любовное; мнѣ сообщили, что онъ стѣснялся отвѣтомъ, изъ боязни, что не сравнится со мною—въ стилѣ; ему, краснорѣчивому, это далось бы легко, труднѣе было бы отвѣтить по существу, продолжаетъ онъ наивно, ибо какъ возразить на доводы истины? Говорятъ, онъ что-то написалъ мнѣ въ отвѣтъ, но письмо до меня не дошло.

По смерти Джьованни Петрарка надѣлилъ его въ своей похвальной рѣчи всевозможными достоинствами: о немъ скорѣе, чѣмъ о Платонѣ, можно сказать, что въ день его кончины солнце, казалось, свергло съ неба. Легко представить себѣ, что блестящій типъ Джьованни закупилъ Петрарку своей эстетической стороной и что за его виртуозностью онъ не видѣлъ его недочетовъ; но онъ продолжалъ жить и при дворѣ его племянниковъ, хотя обаяніе личности прекратилось, и самъ онъ писалъ пріятелю, какой ужасъ наводитъ на всѣхъ ехидна, держащая въ пасти окровавленнаго человѣка: намекъ на миланскій гербъ ¹⁾). Когда у Бернабо Висконти родился сынъ, Петрарка, бывшій въ числѣ его восприемниковъ, воспѣлъ это радостное событіе, перечисляя всѣхъ знаменитыхъ мужей имени Марка, между прочимъ Марка Брута,

1) Fam. XX, 1: 1356 года.

но не забылъ обратить вниманіе державнаго отца и на себя: онъ ему безконечно и искренне преданъ, ему принадлежитъ. Еще ярче невоздержность его софизмовъ въ письмѣ къ Якову Буссоляри, демократическому защитнику Павіи съ тенденціями Савонаролы: Петрарка обвиняетъ его въ гордыни и надменности, въ тиранніи, глумясь надъ поборникомъ свободы, котораго считалъ своимъ другомъ. Но на Павію зарился тогда Галеаццо Висконти, многихъ во многомъ превышающій, всѣхъ вообще — своимъ великолѣпіемъ ¹⁾).

Все это могло давать пищу недоумѣніямъ Боккаччьо, но послѣ откровеннаго объясненія 1353 года мы не находимъ ихъ слѣдовъ въ письмахъ къ нему Петрарки. Вѣроятно, къ 1355-му году ²⁾ относятся два письма: одно ³⁾ благодаритъ за доставленіе собственноручной копии твореній бл. Августина, другое ⁴⁾ за таковой-же списокъ Варрона и Цицерона; судя по окончанію Fam. XVIII, 15 ⁵⁾, ни то, ни другое не дошло до Боккаччьо ⁶⁾. О недоумѣніяхъ ни слова, Петрарка мило стилизуетъ, одобряетъ уваженіе Боккаччьо къ мудрости и наукѣ древнихъ: ты по природѣ чтить то, чѣмъ гнушается толпа, и презираешь, что она цѣнитъ. Будетъ время, и тебѣ станутъ дивиться, уже теперь начинаетъ обращать на тебя вниманіе — зависть. Письмо переходитъ къ сравненію Варрона и Цицерона, кончаясь шаловливой выходкой: еслибъ меня спросили, кого изъ нихъ я предпочитаю, я сказалъ бы тебѣ одному, тихо, на ушко, что мнѣ подсказываетъ сердце: Цицерона. Боги! Что я сказалъ! Но слово споркнуло, и я буду счастливъ, если меня обвинять въ дурномъ вкусѣ, не въ смѣлости ⁷⁾).

1) Sen. V, 1.

2) Fracassetti, Lettere, v. III, стр. 11 отнесъ то и другое къ 1354 году.

3) Fam. XVIII, 3: Mediolani V Idus Maii, Voigt, Briefsammlungen, стр. 45. Сл. выше стр. 95—6 прим. 8.

4) Fam. XVIII, 4.

5) Сл. также письмо Боккаччьо отъ 30 іюня 1367 года у Corazzini, стр. 128 (жалуется, что не получалъ Fam. XVIII, 3).

6) Весною 1354 года онъ ходилъ въ Авиньонъ, сл. выше стр. 61.

7) Fam. XVIII, 4.

Недоказательно для нашего вопроса и письмо отъ 20-го декабря, вѣроятно, 1355 года¹⁾, ободряющее Боккаччо, которымъ овладѣли сомнѣнія — въ его призваніи. Съ этимъ письмомъ мы познакомимся позже.

Весной 1359 года Боккаччо посѣтилъ Петрарку въ Миланѣ, и тотъ отиѣтилъ это событіе на обложкѣ одного изъ своихъ рукописныхъ сборниковъ въ числѣ другихъ записей о своихъ садоводческихъ опытахъ. 16-го марта онъ попытался насадить лавры, что до тѣхъ поръ ему не удавалось; время было пасмурное, шли дожди, обратившіе садъ въ озеро, солнце не показывалось до 1-го апрѣля, но «священныя деревья» должны были бы приняться, замѣчаетъ онъ, ибо при ихъ насажденіи присутствовалъ случайно, попавъ какъ разъ въ ту пору²⁾, «славный мужъ Джьованни Боккаччо изъ Чертальдо, питающій великую любовь и къ нимъ и ко мнѣ»³⁾. Боккаччо пробылъ не долго, и Петрарка жалуется въ письмѣ къ Нелли, что прелестные, тихіе дни прошли такъ скоро, почти незамѣтно. Пріятель обо всемъ тебѣ расскажетъ: отъ него ты узнаешь, что я дѣлаю, о чемъ я думаю; ему извѣстна моя жизнь, мои отношенія, надежды, однимъ словомъ — все⁴⁾. Онъ отпустилъ его неохотно, тѣмъ болѣе, что и погода настала неблагоприятная, ненастная. Но дѣлать было нечего: другъ торопился, его письмо говоритъ, что онъ уже перебрался черезъ По и другія рѣки, разлившіяся болѣе обыкновеннаго; но Петрарка не раньше успокоится на его счетъ, какъ увѣрившись, что онъ уже по ту сторону Аппенинъ⁵⁾. Нелли успокоилъ его письмомъ отъ мая 1359 года: нашъ милѣйшій Боккаччо счастливо перебрался за Эриданъ и Аппенинны; ты вѣдь писалъ, что не перестанешь тревожиться, пока не узнаешь о томъ⁶⁾. «Нашъ Бок-

1) Fam. XVIII, 15.

2) Casu in has horas tunc advectus.

3) Ipsis amicissimus et mihi. Сл. De Nolhac, Petrarque et l'humanisme, стр. 398.

4) Fam. XX, 6.

5) Fam. XX, 7: къ Нелли отъ 11 апрѣля 1359 года.

6) Hortis, Studi стр. 22, прим. 6, № XXIII; сл. Cochin, l. c. стр. 265—7.

каччѡ здравствуетъ», повторялъ Нелли въ сентябрѣ того-же года ¹⁾).

Боккаччѡ пріѣхалъ во Флоренцію подѣ впечатлѣніемъ «прелестныхъ» миланскихъ дней.

Въ октябрѣ того-же года Петрарка снова писалъ ему ²⁾: твой отъѣздъ сильно опечалилъ меня, но такъ какъ я не въ состояніи быть безъ дѣла, хотя въ сущности ничего почти не дѣлаю, я задержалъ общаго нашего пріятеля, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заняться пересмотромъ списковъ (моей) Буколики, которые ты привезъ съ собою. Пріятеля ты знаешь: хорошій малый, человѣкъ стариннаго покроя, не глупый, но читаетъ запинаясь, медленно. Слушая въ его чтеніи собственные стихи, я замѣтилъ повтореніе словъ и кое-что, требующее поправки. Потому не спѣши переписывать для себя и не передавай нашему Франческо (Нелли): вѣдь я знаю, какъ вы охочи до всякаго моего писанія, особенно до писемъ, въ сущности не стоящихъ того, чтобы утомлять (списываніемъ) ваши руки, не только что глаза. Вотъ уже недѣля, какъ я въ деревнѣ, и пользуюсь дождливою погодою, чтобы пересмотрѣть мою буколику. Знаешь-ли что? Никто лучше не раскрываетъ погрѣшностей произведенія, какъ туповатый, неумѣлый, медлительный чтець, продолжаетъ Петрарка, и его письмо переходитъ въ блестящую характеристику личнаго стиля, который Петрарка ревниво оберегаетъ отъ подражанія и невольныхъ повтореній того, что удержалось въ его памяти изъ любимыхъ классиковъ и болѣе не ощущалось, какъ чужое. Съ этой точки зрѣнія онъ и предлагаетъ два исправленія къ своей 10-й эклогѣ ³⁾).

И такъ Боккаччѡ, дорожившій всякой строкой «учителя», привезъ въ Миланъ списки его Буколики, которую долго не знали цѣликомъ въ флорентійскихъ кружкахъ ⁴⁾; списки добытые, оче-

1) Cochin, l. c. № XXIV.

2) Fam. XXII, 2.

3) Сл. выше т. I, стр. 488—9, II, 108.

4) Сл. выше стр. 122.

видно, изъ вторыхъ рукъ и неисправные¹⁾; они то и могли вызывать между пріятелями бесѣды о стилѣ, отзвукомъ которыхъ является Fam. XXII, 2. Книжныя сокровища Петрарки давали поводъ къ другимъ вопросамъ, литературнымъ и общественнымъ; о нихъ даетъ понятіе отвѣтное письмо Петрарки къ Боккаччо того-же года²⁾: бесѣдовали о Данте, о его Божественной Комедіи, которую, оказывается, Петрарка не читалъ, и Боккаччо послалъ ему экземпляръ при письмѣ, къ сожалѣнію, утраченномъ в стихотвореніи въ похвалу Данте. О немъ и о своемъ отношеніи къ нему и говорить Петрарка, оставляя въ сторонѣ другіе вопросы, о «которыхъ мы еще недавно съ тобой разсуждали». Какъ разъ въ ту пору Боккаччо вступилъ въ новую пору дантовскихъ увлеченій, въ которыхъ не послѣднюю роль играли идеалы поэта-гражданина и личной свободы, горделиво сторонящейся отъ опеки. Это бросаетъ свѣтъ на характеръ тѣхъ «другихъ вопросовъ», которыхъ Петрарка теперь избѣгаетъ, чтобы поднять ихъ снова въ письмѣ отъ 18-го августа 1360-го года³⁾. Оказывается, друзья не договорились, и положеніе осталось столь-же невыясненнымъ, какъ и прежде.

Боккаччо избралъ средство лучшее въ тѣхъ случаяхъ, когда по извѣстному вопросу невозможно прійти къ соглашенію: онъ молчалъ, но молчалъ краснорѣчиво. Ты не желаешь мнѣ противорѣчить, пишетъ ему Петрарка, но, ничего не говоря, выражаешь болѣе, чѣмъ еслибъ говорилъ. Я знаю, что ты и всѣ мои друзья, ослѣпленные любовью, безпокоитесь обо мнѣ, одни желали бы видѣть меня въ Падуѣ, другіе въ Авиньонѣ, третьи на

1) Если въ письмѣ отъ октября 1359 года (Fam. XXII, 2) Петрарка не велитъ Боккаччо сообщать Нелли не исправленный пока списокъ Буколики, то послѣднія слова въ письмѣ Нелли къ Петраркѣ отъ 11 сентября 1359 года не могутъ имѣть ввиду будто-бы полученную имъ неисправленную рецензію (сл. Coshin, стр. 272 прим. 9). Выраженія Нелли и не ведутъ къ этому предположенію: *nes quale sit buccolicum Petrarce carmen nunc dicturus sum*.

2) Fam. XXI, 15.

3) Var. 25.

моей родинѣ, меня-же привлекаютъ не богатства и не почести, а миръ и покой, тишина и уединеніе. Гдѣ найду я эти сокровища? Мой уединенный пріютъ, гдѣ я надѣялся умереть и кончить мой трудъ (Африку), о которомъ такъ много говорятъ, разграбленъ и не безопасенъ (Воклюзъ). Много бесѣдовалъ я съ тобою и другими о выборѣ мѣста пребыванія, но объ этомъ легче говорить, чѣмъ прійти къ рѣшенію; важно одно: гдѣ-бы не поселиться, по нуждѣ или выбору, довольствоваться этимъ, избравъ родъ жизни не по капризу судьбы, а по указанію добродѣтели, памятуя, что все въ этой жизни кратковременно. Объ этомъ мы долго рассуждали съ тобою въ прошломъ году, въ этомъ самомъ домѣ, и согласились, что ввиду общаго положенія Италіи и Европы, Миланъ все-таки наиболѣе удобное мѣсто для меня и моихъ занятій; за исключеніемъ развѣ Падуи, гдѣ я былъ вскорѣ послѣ того, куда скоро вернусь, дабы поочередное пребываніе не прекратило—чего я не хочу, а умалило въ жителяхъ того и другого города желаніе видѣть меня среди нихъ. Не знаю, измѣнилъ ли ты свое мнѣніе, но мѣнять тревоженіе Милана на тревоги другого города — значило бы идти навстрѣчу лишнимъ неприятностямъ. Долго я толкую съ тобою объ этихъ пустякахъ, потому что привыкъ отдавать отчетъ друзьямъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ; а это дѣло изъ важныхъ; я даже намѣренъ, ввиду многихъ приходившихъ ко мнѣ писемъ того-же содержанія и невозможности всѣмъ отвѣтить, написать трудъ, подобный которому никто, кажется, еще не предпринималъ, гдѣ я дамъ отчетъ о моей жизни; ибо лишь теперь я пришелъ къ сознанию, что жизнь — дѣло не легкое.

Трудъ, на который намекаетъ Петрарка, очевидно, его биографическія признанія, «письмо къ потомству», доведенное впрочемъ, лишь до 1351 года, какъ разъ наканунѣ его переселенія въ Миланъ.

И позже «свобода» Петрарки не переставала тревожить Боккаччю. Съ 1362 года Петрарка жилъ въ Венеціи, но съ 1363 переселялся на лѣто въ Павію, подъ сѣнь Галеаццо Висконти.

Боккаччо писалъ по этому поводу какому-то общему другу; твои заботы для меня не новость, отвѣчалъ ему Петрарка въ 1367 году ¹⁾, но ты не бойся за меня, хотя бы другимъ и могло казаться, что я испытываю тяжелое иго: не было въ свѣтѣ челоуѣка болѣе свободнаго, чѣмъ я, и я могъ бы поручиться, что такъ будетъ и впредь, если вообще можно поручиться за будущее; не въ старости учиться мнѣ рабству. Я говорю о свободѣ духа, ибо по отношенію къ тѣлу и другимъ вещамъ по неволѣ приходится служить сильнѣйшимъ. Но я не знаю, какое иго тяжелѣе, иго-ли одного, которое несу я, или многихъ, какое испытываешь ты: полагаю, что тираннія одного легче, чѣмъ тираннія народа (флорентійская демократія). Если бы я не былъ всегда и всецѣло свободенъ, я-бы умеръ, либо велъ скучную, печальную жизнь, а ты знаешь, да и всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я всегда въ прекрасномъ расположеніи духа. Только по собственной волѣ и закону любви я могъ бы недолго оставаться въ служебныхъ отношеніяхъ къ кому-бы то ни было, заключаетъ Петрарка, развивая далѣе ту мысль, что направлять паруса къ другому берегу смотря по вѣтру и предвѣстіямъ бури—признакъ благоразумія. Всего я не могу объяснить тебѣ въ письмѣ, но если бы ты зналъ, что знаю я, ты также присовѣтовалъ бы мнѣ не покидать этихъ мѣстъ, а лишь на время удаляться отъ нихъ, чтобы доставить себѣ передвиженіемъ нѣкій отдыхъ отъ заботъ и тревогъ. — Салутати не могъ себѣ представить, какъ за роскошью Галеаццо Висконти Петрарка проглядѣлъ бѣдный, ограбленный народъ ²⁾.

VIII.

На миланскомъ эпизодѣ Петрарки надо было остановиться подробнѣе, потому что въ вопросѣ, который онъ поднялъ, ярко

1) Sen. VI, 2.

2) Сл. Novati, Epistolario di Coluccio Salutati, vol. I, lib. II, № 16; сл. № 15.